

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 169 (9626)

Суббота, 15 июля 1944 г.

ЦЕНА 20 КСП.

Художник правды

Чехов — великий драматург-художник. Он сделал одно и, повидимому, простое дело: он раскрыл настежь все окна в театре, — он впустил целые потоки воздуха и света на сцену.

Чехов вложил в свои пьесы такую покоряющую правду жизни, действие его пьес было так неотразимо, что его зритель становится как бы непосредственно перед суровым и мудрым лицом жизни. «На днях смотрел «Дядю Ваню», смотрел и — плакал как баба, хотя я человек далеко не нервный, пришёл домой оглушённый, изматый Вашей пьесой... «Дядя Ваня» — это совершенно новый вид драматического искусства...»

Так писал Чехову М. Горький, — и это же впечатление было впечатлением наиболее чутких людей того времени.

Чехов неизмеримо расширил понятие о жизни на сцене, он углубил представление о «живом человеке» на театре.

Чехов никуда не уходил от того, что видел вокруг себя. «Никто не понимал так ясно и тонко, как Антон Чехов, трагизм мелочей жизни, никто до него не умел так беспощадно правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни в тусклом хаосе мешанины обыващины». Эти значительные слова принадлежат Горькому. Он с восторгом писал однажды Чехову, что его «рассказ... ввертывается в глубь и суть жизни, как бур в землю».

В любой пьесе Чехова несравненно больше действующих лиц, чем их обозначено в списке действующих лиц.

Отец и мать трёх сестёр, жена и девочки Вершинина, господин Протопопов — это всё полные действующие лица «Трёх сестёр», хотя их и нет на сцене. Но действуют в драме Чехова не одни люди. Разве не действующее лицо в ней Московский университет, в котором должен был профессорствовать Андрей, изменивший ему ради другого действующего лица — «земской управы», возглавляемой господином Протопоповым, и разве не в этой измене заключена драма жизни этого молодого учёного, превратившегося в застарелого обывателя? Есть и ещё большое, прекрасное действующее лицо в тех же «Трёх сёстрах» — это Москва: великая творческая мастерская русской культуры. Москва, как магнит, влечёт к себе трёх сестёр. «В Москву! в Москву!» — это значит для них: «В жизнь! В мысль! В свободу!».

Но есть в «Трёх сёстрах» действующее лицо и больше Москвы. Это будущая счастливая жизнь роины и всего человечества.

И она-то, — и в этом огромная правда чеховской драмы, — эта новая жизнь будущего, дороже всего самому Чехову: «Жизнь на земле будет необразимо прекрасной, изумительной». Героем этой жизни будет труд радостный, творческий, труд освобождённый и освобождающий: это — мысль, это — идея-сила героев «Трёх сестёр». Но это же и идея самого Чехова.

«Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда как основания культуры, так глубоко и восторженно, как Антон Павлович», — говорит Горький. — Он любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал поэзию труда».

В каждой пьесе Чехова — он, суровозоркий на каждое проявление обывательской пошлости и самодовольства, беспощадный к таким обывателям от науки, как профессор Серебряков («Дядя Ваня») или доктор Львов («Иванов»), — с особою любовью относится к тем людям, которые видят перед собою широкое поприще общественного труда, расширяют его до подвига во имя культуры и человечества и рвутся на этот труд и подвиг, веря в неисчерпаемость человеческого творчества.

Огромное содержание чеховских пьес с их поистине всечеловеческим захватом проблемы жизни, как творческого строительства будущего, вмещено в форму предельно сжатую, насыщено-глубокую и жизненно-ёмкую.

Однажды в беседе, при которой мне пришлось присутствовать, на вопрос, почему так трудно ставить пьесы Чехова, Станиславский отвечал:

— Потому что он пишет сжато и просто, как Пушкин, поэтично и нежно, как Тургенев, строго и правдиво, как Лев Толстой — и все-таки пишет, как Чехов.

Чехов требовал от актёра внутренней правды переживания там, где прежде было достаточно внешнего правдоподобия и умелого воспроизведения чувствований. Чехов показывает человека сразу в трёх планах существования: в его бытовании в определенной среде, в психологической глубине его переживаний и в его душевной и творческой мечте, — и этого же Чехов требует от актёра. Правды жизненной, глубины психологической и истины поэтической.

Драматургия Чехова потребовала создания нового театра потому, что необычайно жив и глубок был подход Чехова к жизни.

Художественный театр, созданный друзьями Чехова — К. С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Ланченком, сделал для Чехова то же, что Малый театр — для Островского; он показал, что явился новый великий драматург, раскрывший жизнь с новым проникновением в её неведомые силы и красоту.

В национальном русском искусстве театра Чехову принадлежит место не только великого драматурга, но и реформатора театра. И такое же место занимает он в театре европейском.

Чехов стал классиком мировой драматургии. Нужно ли говорить, что любовь к Чехову советского зрителя, — его родного зрителя, — исключительно велика и нежна?

Еще никогда, за более чем полувековую историю чеховской драматургии, его пьесы не встречали такого широкого признания, такого любовного отношения, как в наши дни.

Мне вспоминается спектакль, шедший сорок лет назад, — премьера пьесы Чехова «Вишневый сад».

На спектакле присутствовал сам Антон Павлович. Тяжело больной, он через слезу, но стоя, принимал восторги и приветствия зрителей и актёров. На его усталом и исхудалом лице была мягкая, теплая улыбка.

В этой улыбке писателя мы, тогдашнее молодое поколение, видели то же, что слышали в его новой пьесе, восторженно нами принятой: привет новой жизни, призыв к ней:

«Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле».

Этот же привет и призыв слышится и теперь, когда вот уже 40 лет Чехова нет в живых, — и слышится этот призыв не из одного «Вишневого сада», но из всех пьес Чехова. Правдиво изображающие русскую жизнь прошлого, они все обращены к будущему, оттого-то на пьесах Чехова не лежит никакого налета устарелости. Наоборот. В наши дни, когда страна Чехова ведет героическую борьбу с немецкими варварами, разрушающими культуру и истребляющими все человеческое в жизни, в человеке, — вера Чехова в «высшую правду», обязательную для человека и доступную человечеству, захватывает нас с еще большей силой, чем прежде.

С. ДУРЫЛИН.